

Светлана Червонная

Проблемы идентичности польско-литовско-белорусских татар: исторический и современный аспект

Nurt SVD 51/2 (142), 139-172

2017

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Проблемы идентичности польско-литовско-белорусских татар: исторический и современный аспект

Problems with the identity of the Polish-Lithuanian-Belarusian Tatars in the past and today

Светлана Червонная

swetlana@umk.pl

Университет Николая Коперника в Торуне, Польша

Родилась в Москве, выпускница Московского Государственного университета имени М.В. Ломоносова (1958), профессор, доктор искусствоведения, почетный доктор Тбилисского Государственного университета имени Ивана Джавахишвили (Грузия), Почетный доктор Карачаево-Черкесского Государственного университета (Российская Федерация), Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, почетный член Института исследований мирового искусства (Варшава), с 2004 г. профессор кафедры этнологии и культурной антропологии Университета имени Николая Коперника (Польша, Торунь).

История формирования татарской этнической группы золото-Ордынского происхождения на землях Великого Княжества Литовского глубоко и всесторонне изучена. Обширная литература на эту тему, существующая на польском, литовском, белорусском, русском, турецком и на трех основных европейских языках (английском, немецком, французском), уходит своими корнями в исторические хроники, свидетельства очевидцев, записки путешественников, документы бесспорной (или сомнительной)

аутентичности Средневековья и эпохи Возрождения (Реформации/ Контрреформации) и завершается новейшими исследованиями современных ученых. Эта литература складывается из работ, намечающих общие контуры этногенеза и исторического развития данной группы¹, в том числе в сравнительном сопоставлении с другими группами татарской супер-этнической общности², и публикаций, посвященных отдельным периодам длительной истории³, меняющемуся социальному и правовому статусу⁴,

¹ Укажем лишь важнейшие из них в хронологической последовательности изданий: А. Мухлинский, *О происхождении и состоянии литовских татар*, Санкт-Петербург 1857; [M. Tuhan-Baranowski], *O Muślimach litewskich. Z notat i przekładów litewskiego Tataru Macieja Tuhana-Baranowskiego. Wydanie pośmiertne Antoniego Krutana*, Warszawa 1896; S. Kryczyński, *Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej*, Warszawa 1938; Z. Jasiewicz, *Tatarzy polscy. Grupa etniczna czy etnograficzna?*, „Lud”, nr 64, 1980, s. 145-157; P. Borawski, A. Dubiński, *Tatarzy polscy. Dzieje, obrzędy, legendy, tradycje*, Warszawa 1986; J. Fabijonavičius, *Totoriai – Lietuvos senbuviiai*, „Mokslas ir gyvenimas”, nr 12, 1990, s. 24-25; S. Kričinskis, *Lietuvių totoriai. Istorinės ir etnografinės monografijos bandymas*, Vilnius 1993; С. Думин, И. Канапацки, *Белоруския татары. Минулае і сучаснасць*, Мінск 1993; Я. Гришин, *Польско-литовские татары (наследники Золотой Орды)*, Казань 1995; N. Bohdanowicz, S. Chazbijewicz, J. Tyszkiewicz, *Tatarzy muzułmanie w Polsce*, Gdańsk 1997; Г. Мишкинене, *Очерк истории и культуры литовских татар*, «Диаспоры» (Москва), № 2, 2005, с. 40-61; A. Jakubauskas, G. Sitdykov, S. Dumin, *Lietuvos totoriai istorijoje ir kultūroje*, Kaunas 2009; С. Червонная, *Польско-литовские татары – западный форпост ислама в Европе*, «Вестник Московского Исламского Университета», № 2, 2010, с. 93-117; С. Думин, *Этногенетические корни литовских татар*, [w:] A. Konopacki (red.), *Tatarszczyzna w badaniach. Konteksty interdyscyplinarne/Research in Tatar Studies. Interdisciplinary Contexts*, Białystok 2015, s. 149-177.

² См., в частности: S. Czerwonная, S. Chazbijewicz, *Tatarzy krymscy – Tatarzy polsko-litewscy*, Toruń 2013.

³ L. Kryczyński, *Tatarzy litewscy w wojsku polskim w powstaniu 1831 roku*, „Rocznik Tatarski” (Wilno), t. 1, 1932, s.113-152; J. Tyszkiewicz, *Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII-XVIII w.*, Warszawa 1989; A. Miśkiewicz, *Tatarzy polscy 1918-1939*, Warszawa 1990; A. Miśkiewicz, *Tatarska legenda. Tatarzy polscy 1945-1990*, Białystok 1993; T. Baraškauskaitė, *Lietuvių totoriai XIX amžiuje*, Vilnius 1996; A. Kołodziejczyk, *Rozprawy i studia z dziejów Tatarów litewsko-polskich i islamu w Polsce w XVII-XX w.*, Siedlce 1997; J. Tyszkiewicz, *Z historii Tatarów polskich. 1794-1944. Zbiór szkiców z aneksami źródłowymi*, Pułtusk 1998; K. Grygaitis, *Osadnictwo Tatarów gospodarskich w Wielkim Księstwie Litewskim XIV-XVIII w.*, „Rocznik Tatarów Polskich” (Gdańsk), t. 8, 2003, s. 25-26; A. Miśkiewicz, *Tatarzy na ziemiach zachodnich Polski w latach 1945-2005*, Gorzów Wielkopolski 2009; S. Chazbijewicz, S. Moćkun, *Tatarzy pod Grunwaldem*, Grunwald 2012.

⁴ J. Sobczak, *Położenie prawne ludności tatarskiej w Wielkim Księstwie Litewskim*, Warszawa-Poznań 1984; J. Sobczak, *Położenie prawne tatarskich wyznawców*

различным пластам культурного наследия⁵, языку, периодической печати, литературе⁶, фольклору, народному и профессиональному искусству, тем или иным сторонам традиционного быта, религиозной жизни⁷, общественной и политической деятельности (организациям) польско-литовско-белорусских татар, персональным биографиям не только выдающихся индивидуумов, но целых семейных кланов⁸. В укрепление столь богатой историографической основы внесли свою лепту как выходцы из самой среды польско-литовско-белорусских татар, представители ее интеллектуальной элиты, издавна проявлявшие живой интерес к историческому прошлому, к культуре своего народа, пытавшие ответить на основные вопросы, определявшие этническую и гражданскую идентичность, «национальный характер», основы патриотизма («Кто мы?», «К какой цивилизации мы принадлежим?», «Частью какой современной нации / нации-государства мы являемся?»), так и многочисленные «наблюдатели со стороны», как близкие соседи, так и исследователи, не связанные ни личной принадлежностью к данной этнической группе, ни гражданством тех государств, в границах которых она сформировалась и развивается,

islamu w II Rzeczypospolitej, „Przegląd Historyczny”, t. 79, nr 3, 1988, s. 501-520.

⁵ A. Kołodziejczyk, *Cmentarze muzulmańskie w Polsce*, Warszawa 1998; J. Gutowski, *Broń i uzbrojenie Tatarów. Katalog zabytków tatarskich*, t. 1, Warszawa 1997; A. Drozd, M. Dziekan, T. Majda, *Meczetny i cmentarze Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich*, t. 2, Warszawa 1999; A. Drozd, M. Dziekan, T. Majda, *Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich*, t. 3, Warszawa 2000.

⁶ S. Chazbijewicz, *Kultura literacka Tatarów polskich*, „Rocznik Tatarów Polskich” (Gdańsk), t. 2, 1994, s. 240-247; S. Chazbijewicz, *Prasa tatarsko-muzulmańska w Polsce w latach 1939-1996*, „Rocznik Tatarów Polskich” (Gdańsk-Toruń), t. 3, 1995, s. 87-103; S. Dmitruk, *Prasa mniejszości tatarskiej w Polsce w latach 1996-2008*, [w:] S. Chazbijewicz (red.), *Tatarzy – historia i kultura. Materiały z sesji naukowej w Szreniawie 26-27 czerwca*, Szreniawa 2009, s. 55-71.

⁷ См. в частности: M. Aleksandrowicz, *Legends, znachorstwo, wróżby i gusła ludu muzulmańskiego w Polsce*, „Rocznik Tatarski”, t. 2, 1935, s. 368-375; S. Chazbijewicz, *Kultura religijna Tatarów polskich*, „Rocznik Tatarów Polskich”, t. 2, 1995, s. 66-88; S. Chazbijewicz, *Wpływ sufizmu (tasawwuf) na zwyczaje muzulmanów w Polsce*, „Życie Muzulmańskie”, nr 9, 1988, s. 32; A. Konopacki, *Życie religijne Tatarów na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI-XIX wieku*, Warszawa 2010.

⁸ S. Dumin, *Herbarz rodzin tatarskich Wielkiego Księstwa Litewskiego*, Gdańsk 1999; A. Miśkiewicz (red.), *Słownik biograficzny Tatarów polskich XX wieku*, Białystok 2016; A. Miśkiewicz, *Jeszcze o tatarskim rodzie Miśkiewiczów*, „Przegląd Tatarski”, nr 2, 2016, s. 18-20.

в том числе авторы, ставившие своей целью популяризацию знаний об историко-культурном феномене «литовских татар» среди читателей своих стран, порою весьма удаленных от той восточно-европейской арены, какая стала полем формирования и жизнедеятельности данного феномена⁹.

И не только солидная научная литература и нередко яркая в своих образных характеристиках журналистика, художественная проза и поэзия¹⁰ дают широкое представление о данном феномене. Законодательные акты, связанные, в частности, с официальным признанием татарских общин в качестве этнических меньшинств современных государств – Польши, Литвы, Белоруссии, свидетельства о регистрации их общественных, религиозных организаций, культурно-просветительских центров, публикации соответствующих уставов, статистические данные, указывающие численность татар в очередных переписях населения, отчеты о выделении государственных субсидий на поддержку культурных инициатив и о проведении мероприятий (форумов, съездов, общественных конференций, традиционных народных праздников, художественных фестивалей, периодических изданий) в рамках государственной защиты национальных и этнических меньшинств складываются в широкое полотно достоверных и актуальных на сегодняшний день сведений, позволяющих судить и о географии (местах проживания), и о демографической динамике, и о формах организации татарских общин – характере их объединений, религиозных институтов, творческих коллективов, и о ценностях, сосредоточенных в музеях, и о комплексах памятников культурного наследия и мемориалах (мечетях и кладбищах-*мизарах*), находящихся под государственной охраной.

⁹ Вспомним в этой связи книгу: Н. Norrrys, *Islam in the Baltic. Europe's Early Muslim Community*, London-New York 2009.

¹⁰ Случайно или в силу каких-то непостижимых логическим путем закономерностей сложилась такая ситуация, что из среды польско-литовско-белорусских татар в наши дни выдвинулась целая плеяда поэтов, которые одновременно являются известными общественными деятелями, энтузиастами движения, направленного на сохранение идентичности, возрождение культуры, укрепление социальной и правовой базы существования и развития своего народа (Селим Хазбиевич, Адак Якубаускас, Муса Чахоровский). Их стихи являются важнейшим источником постижения «национального характера», самоидентичности, представлений о собственной истории и роли своего народа в европейском, евразийском и мировом духовном пространстве.

Таким образом, мы никак не можем считать польско-литовско-белорусских татар ни «неизвестными», ни «мало изученными», ни «забытыми» среди европейских народов: «неизвестными» они являются только для тех, кто просто не знаком с посвященной им богатой литературой и питающими эту литературу источниками. Это не значит, однако, будто не осталось никаких «белых пятен», никаких противоречий, никаких вопросов, не имеющих однозначных ответов, никаких поводов для сомнений и дискуссий на широком полотне исторических и культурологических исследований этнической группы польско-литовско-белорусских татар. Среди таких вопросов наиболее острым, сложным, глубоко затрагивающим эмоции и менталитет – весь комплекс национального самочувствия и самосознания польско-литовско-белорусских татар является вопрос об основах их идентичности в современных условиях.

Для исследования этого вопроса весь обширный корпус литературы, посвященной проблематике польско-литовско-белорусских татар (включая как упомянутые выше публикации, так и многие статьи, оставшиеся за границами этого перечня), оказывается недостаточно полной и недостаточно прочной основой. Дело не только в том, что проблема идентичности (самоидентификации, сознания и понимания собственной этничности) данной этнической группы в подавляющем большинстве случаев не только не выделяется крупным планом, но, вообще, оказывается не в фокусе внимания авторов, растворяется в исторических описаниях и в иных аналитических направлениях и информационных потоках. Дело в том, что даже тогда, когда авторы вплотную приближаются к этой проблеме, прямо выходят на нее, включая в названия своих публикаций¹¹ и формулируя в качестве задач собственных исследований выявление этнической идентичности «литовских» (польско-литовско-белорусских) татар, они сталкиваются с крайним разбросом суждений и мнений при социологических опросах, проводимых как в татарской среде, так и в этнически смешанных гражданских сообществах, и практически не знают, на что опереться, чаще всего выбирая из потока полученных таким

¹¹ См., например: K. Warmińska, *Tatarzy polscy. Tożsamość religijna i etniczna*, Kraków 1999; В. Ольшевский, *Уровни идентификации польских татар в историко-этнологическом контексте*, [w:] А. Конопакки (red.), *Этническая история и культура тюркских народов Евразии*, Омск 2011, с. 5-8; K. Radłowska, *Status etniczny Tatarów polskich w literaturze naukowej i w opiniach badanych*, [w:] А. Konopacki (red.), *Tatarszczyzna w badaniach*, op. cit., s. 101-110.

образом сообщений те, что наиболее соответствуют их собственной субъективной позиции и оптике, во многом определяемой гражданством, национальностью, профессиональной ориентацией (ученые разных стран по-разному воспринимают статус «своих» и «чужих» татар, представители разных гуманитарных научных дисциплин выбирают в качестве определяющих разные факторы идентичности; при этом среди авторов, занимающихся этим вопросом, заметен острый дефицит специалистов в области этнической психологии).

Автор настоящей статьи, приступая к ее подготовке, решила провести собственное социологическое «микроисследование» (без претензии на широкий охват общественного мнения, без репрезентативной выборки респондентов; было роздано жителям Белостока и Крушинян, где осенью 2016 года состоялись запланированные на Кафедре этнологии и культурной антропологии Университета имени Николая Коперника полевые исследования¹², получено заполненными и обработано всего 200 анкет¹³), чтобы хоть немного расширить ту источниковую базу, которая формируется прежними публикациями, и услышать, если можно так сказать, живой голос современников (среди опрошенных были не только татары, но их соседи, а также участники международной научной конференции „Wschód Muzułmański w ujęciu interdyscyplinarnym: Ludzie – Teksty – Historia”, проходившей в Белостоке 16–18 ноября 2016 года). Результаты этого опроса засвидетельствовали еще более широкий разброс абсолютно не «унифицированных», не согласованных друг с другом, противоречащих друг другу мнений, чем изначально это можно было предположить. Даже на вопрос о собственной национальности (пункт 1 анкеты) почти треть опрошенных (63 из 200) выбрала в качестве ответа формулировку «затрудняюсь ответить»; естественно, среди этих «затрудняющихся» были именно татары, поскольку «другие» решительно отвечали «нет» (не являюсь / не считаю себя польским, литовским, белорусским татаринном). Крайне расплывчатыми оказались представления о времени формирования этнической группы польско-литовско-белорусских татар (пункт 5 анкеты): 15 человек выбрали среди предложенных вариантов ответа «В Средние века, в Великом Княжестве Литовском (XIII–XV века)», 48 предпочли ответ «После заключения унии между Литвой и Польшей (XVI век)»,

¹² Под руководством С. Червонной и В. Ольшевского.

¹³ Полный текст этой анкеты в переводе с польского на русский язык см. в конце статьи в качестве приложения к ней.

29 – «В Первой Польской республике (XVII–XVIII века)», 18 решили, что это произошло «Позднее» (без уточнения), остальные вовсе не сочли нужным ответить на этот вопрос. Более-менее совпали среди опрошенных представления о том, какой этноним наиболее соответствует данной этнической группе (пункт 4 анкеты): 182 предпочли этноним «Польские татары». Следует при этом отдавать себе отчет в том, что опрос проводился в Польше; если бы он проводился в Литве, вероятно, большинство опрошенных назвали бы себя «литовскими татарами», в Белоруссии – «белорусскими». Ключевым в анкете был 6-й пункт, а именно вопрос «Что, по Вашему мнению, является залогом обособления, сохранения и жизнедеятельности данной этнической группы?». Предлагая возможные варианты ответов, мы очень надеялись на выявление определенных приоритетов в современном общественном сознании и просили респондентов поставить в скобках порядковые номера от 1 до 13 в зависимости от того, какой из факторов они считают главным, какие – второстепенные. Но никаких приоритетов выявить не удалось. Большинство респондентов (117) согласились со всеми 13-ю вариантами предложенных ответов, отмечая их крестиком и не делая никаких различий в степени важности данных факторов («общая религия», «общая историческая память», «легенда собственного происхождения», «семейные, родственные связи» и так далее – все оказывалось равнозначным). Те 83 анкеты, в которых проставлены порядковые номера, соответствующие последовательной важности разных факторов, представляют собой пеструю смесь разных мнений, среди которых невозможно выявить доминирующего.

Таким образом, данная «опытная база» никак не могла стать основой статьи, претендующей на более-менее объективное и обоснованное определение контуров идентичности этнической группы польско-литовско-белорусских татар, и хотя мы и дальше будем ссылаться на некоторые показательные результаты данного опроса, совершенно очевидно, что не на них, а на широком комплексе исторических данных, литературных источников, демографической статистики, а также на собственных умозрительных концептуальных положениях построена настоящая статья.

Известно, что важнейший маркер своей этнической идентичности – собственной язык (изначально общий с языком «ордынцев», то есть с языком татарского народа, этногенез которого завершался в рамках крупнейшего восточноевропейского государства – Золотой Орды, принадлежащий к западной

огузо-кипчакской ветви тюркской группы большой алтайской языковой семьи) – татары, оказавшиеся на территории Великого Княжества Литовского и Первой Речи Посполитой, утратили в далеком прошлом¹⁴. Специфический характер миграции татарского населения, прибывающего на эти земли в качестве приглашенных на военную службу воинов (иногда военнопленных, иногда добровольных наемников или союзников, но при этом всегда, естественно, мужчин) способствовал быстрой языковой аккультурации. Они не только вынуждены были постоянно общаться с людьми, формирующими на этих землях коренное, местное население (с белорусами, литовцами, поляками), в том числе со своими «работодателями», с армейскими предводителями, с представителями региональной и центральной администрации на «чужом» (не татарском) языке (это еще не привело бы к столь быстрой утрате родного языка), но вступать в смешанные браки, что было и практически неизбежно (поскольку «своих» женщин татары в Литву не привезли, со своими семейными таборами они сюда не прикочевали), и разрешено как законодательством их новой родины (проявлявшей в этом отношении гибкость и толерантность, разрешавшей татарам жениться на девушках и женщинах-вдовах из местной, не-татарской среды), так и исламским шариатом, допускавшим брак мусульманина с христианкой при условии, что жена примет религию своего мужа и дети в этой семье будут воспитаны в мусульманских традициях. Мусульманские традиции в этих семьях, действительно, сохранялись, но на языковую практику это не распространялось. Женщины, обязанные, согласно тому же исламскому праву, заниматься воспитанием детей – мальчиков до 7 лет, девочек – до их выхода замуж – и жить с ними до этого срока на своей, женской половине дома (в запретной для мужчин зоне *haram* – в «гареме»), естественно, передавали своим детям – вместе с колыбельными песнями, вместе с первыми усваиваемыми детским слухом словами – свой родной (в зависимости от их национальности – белорусский, литовский или польский язык), и как писал об этом Исмаил Гаспринский «уже первое поколение» воспитанных таким образом «татарчат» начинало говорить на материнском языке – белорусском, литовском или польском:

¹⁴ Ни один из респондентов проведенного нами социологического опроса не назвал татарский язык своим родным языком (пункт 8 анкеты) и не обнаружил знания каких-либо других тюркских языков (пункт 10 анкеты).

«Вследствие того, что жены поселенцев-татар не понимали вовсе по-татарски, уже первое поколение литовских татарчат говорило больше языком матери, т. е. по-литовски, чем по-татарски, так что через несколько поколений татарский язык исчез из употребления, и язык литовский стал национальным языком татар»¹⁵.

Тем более окрепла эта традиция, когда на татарскую молодежь распространилась общегосударственная система просвещения Речи Посполитой, включая обучение в начальных общеобразовательных школах, функционировавших на этих землях, не говоря уж о перспективах среднего и высшего образования в военных училищах и университетах. Белорусский, литовский, польский языки (перечисляю их в алфавитном порядке, который не совпадает с их «престижной» иерархией в разные исторические периоды и в разных регионах) становились языками семейного общения, литературными языками (языками высокой культуры), языками контактов с окружающим населением и профессиональной деятельности местных татар.

В таких условиях татарский язык (язык их предков, их исторической прародины) не имел ни малейших шансов сохраниться как действующий в этой среде язык, и он не сохранился, он исчез, оставшись лишь в некоторых рудиментах, архаизмах, традиционных названиях отдельных предметов и явлений, которым не был найден адекватный перевод или такой перевод (на белорусский, литовский, польский языки) не прижился. Характерно, что в таких случаях и форма множественного числа соответствующих слов и названий, как правило, соответствовала грамматическим нормам татарского языка (с окончаниями «лар» или «ляр»), так что своего рода смутная память о прошлом витала над устной и письменной речью польско-литовско-белорусских татар. Эта память ярче всего проявлялась в ономастике (в той части лексикона, которая была связана с характером собственных имен и образуемых от этих имен фамилий), в меньшей степени – в топонимике (некоторым географическим объектам и собственным поселениям татары давали названия, восходящие к тюркской лексической

¹⁵ И. Гаспринский, Русское мусульманство, Oxford 1985, с. 53. К этому следует только добавить, что первоначальную роль такого «национального языка татар» в Великом Княжестве Литовском играл устный белорусский язык; «распределение» польского, литовского и белорусского языков по местам их проживания с соответствующим приобщением к национальной системе образования и письменности произошло позднее.

основе, но это случалось крайне редко, обычно они принимали наименования городов, деревень, природных объектов, можно сказать, «из рук» – с языка своих славянских или литовских соседей). Особую, устойчивую часть татарского лексикона составляли арабизмы, а также термины, происхождение которых можно установить в рамках тюркологии или иранистики, связанные с исламской религией и культом. Использование арабской письменности, причем не только для воспроизведения компонентов данной специфической терминологии, но и для начертания слов и текстов, написанных на белорусском, литовском или польском языках (иногда «вперемежку» с фрагментами, записанными кириллицей или латиницей) составляет интереснейшую особенность языковой культуры данной группы татар, что является предметом пристального внимания исследователей книг и рукописей (представителей целой науки – современной «китабологии») ¹⁶, эпиграфики (надписей на надгробных камнях) ¹⁷, живописных и графических *мухиров* и других пластов культурного достояния польско-белорусско-литовских татар ¹⁸. Таким образом, говоря об утрате ими родного языка (языка их предков), мы должны иметь в виду, что некоторые рудименты этого языка они все же сохранили на протяжении семи столетий (исходным рубежом появления татар на землях Великого Княжества Литовского и «стартовой точкой» формирования данной этнической группы является XIV век), но всего этого слишком мало для того, чтобы собственный

¹⁶ См. об этом: H.S. Szapszał, *O zatraceniu języka ojczystego przez Tatarów w Polsce*, „Rocznik Tatarski”, t. 1, 1932, s. 34-49; J. Szynekiewicz, *O kitabie*, там же, s. 188-195; Я. Станкевіч, *Беларускія мусульмане і беларуская літаратура арабскім пісьмом*, Вільня 1933; A. Woronowicz, *Szczątki językowe Tatarów litewskich*, „Rocznik Tatarski”, t. 2, 1935, s. 351-366; tenże, *Kitab Tatarów litewskich i jego zawartość*, там же, s. 376-394; M. Konopacki, *Piśmiennictwo Tatarów polsko-litewskich w nauce polskiej i obcej*, „Przegląd Orientalistyczny”, nr 3, 1966, s. 193-205; А. Антонович, *Белорусские тексты, писанные арабским письмом и их графико-орфографическая система*, Вильнюс 1968; Cz. Łapicz, *Kitab Tatarów litewsko-polskich. Paleografia. Grafia. Język*, Toruń 1986; A. Drozd, *Nowe odkrycia w badaniach nad piśmiennictwem tatarskim*, „Rocznik Tatarów Polskich”, t. 2, 1994, s. 218-230.

¹⁷ A. Drozd, *Corpus Inscriptionum Tartarorum Poloniae et Lithuaniae*, t. 1: *Studzińska*, Warszawa 2016.

¹⁸ На вопрос «Владеете ли Вы основами арабской письменности?» (пункт 9 анкеты проведенного нами в 2016 году в Подляском воеводстве социологического опроса) только два процента опрошенных татар ответили категорическим «нет», ни один не заявил «да, владею», 98% предпочли формулировки «частично», «слабо», «знаю лишь несколько букв».

язык можно было считать реальным фактором формирования и маркером их этнической идентичности.

Заметим в этой связи, что данная ситуация не является абсолютно исключительной в широком этнологическом контексте. В обыденном массовом сознании европейцев преобладает широко распространенное представление, будто каждый народ (этническая группа или нация) имеет (должен иметь) свой язык, что без языка нет народа, что формула «один народ – один язык» носит характер бесспорной истины и категорического императива. На самом деле это далеко не так, и в мире существует немало примеров того, когда этносы (и малочисленные группы, и крупные народы-нации, имеющие сильнейший культурный потенциал и политическое влияние) пользуются заимствованными (например, у бывших завоевателей, колонизаторов или захватчиков-конкистадоров) языками, «делят» свой «родной язык» с близкими или дальними соседями (для которых он оказывается таким же «родным», как, например, немецкий язык для австрийцев или английский язык для граждан США), говорят не на одном, а на двух и даже трех разных языках, сохраняя при этом национальное единство (индусы, бельгийцы, швейцарцы, канадцы и многие другие; к парадоксам такого рода следует отнести тот факт, что даже польский народ согласно Закону *О национальных и этнических меньшинства и региональном языке*, принятому 6 января 2005 года, оказывается двуязычным, ибо, наряду с польским, в стране существует официально признанный региональный кашубский язык, а поскольку кашубы отдельной, самостоятельной этнической группой не признаны и рассматриваются как составная часть / этнографическая группа польского народа, следует считать, что у этого народа есть два собственных языка). Таким образом, отсутствие своего, единственного, особенного, отличающего их от соседей, восходящего к собственным истокам и традициям – к «теням забытых предков» – языка не так уж страшно для сохранения этнической идентичности польско-литовско-белорусских татар. Вспомним, к примеру, что бразильцы говорят на португальском языке, но это не значит, что они португальцы, и их национальная идентичность и богатая культура не страдают от отсутствия особенного «бразильского» языка; официальным языком Аргентины, Венесуэлы, Кубы, Пуэрто-Рико является испанский язык, но аргентинцы, венесуэльцы, кубинцы, пуэрториканцы не смешиваются ни с испанцами, ни друг с другом и вполне осознают особенный характер своей культуры, исторической судьбы, избранной

ими политической перспективы государственного развития. То же самое можно сказать о гражданах нескольких десятков государств Ближнего Востока, для которых родным и общим является арабский язык, что вовсе не препятствует формированию особой этнокультурной идентичности египтян, марокканцев, алжирцев, палестинцев, сирийцев – и так далее по всей длинной цепочке этих стран. Неповторимость «своего» языка не является ни единственным, ни обязательным фундаментом этнической идентичности, и польско-литовско-белорусские татары в этой связи оказываются не в исключительной ситуации, а являются одним из многих народов мира, которым следует искать основы этой идентичности не в языке, а в иных сферах.

Одной из таких сфер может (могла бы) быть общность территории, на которой проживает тот или иной народ, создавший свое «национальное» государство или остающийся этническим меньшинством в «чужом», другом (возможно, федеративном) государстве, но непременно в рамках этого государства имеющий «свою землю», воспринимаемую как «этническая родина» (сравнительно новая, куда переселились предки, или древняя, «исконная»), определяемая как территория, на которой завершился этногенез данного народа (не обязательно здесь начался, но непременно именно здесь завершился). Такая земля в демократических государствах Новейшего времени нередко становится базой создания территориальной автономии такого типа, как бывшие «автономные» и нынешние «суверенные» республики Российской Федерации, а также разного рода автономные области, округа, «национальные районы» и тому подобные образования. Для польско-литовско-белорусских татар такая модель государственного «самоопределения», а соответственно и такая основа национальной идентичности практически недостижима. Совершенно очевидно, что ушли в прошлое те времена, когда татары составляли компактное население отданных в их распоряжение земельных владений, в основном, в пограничных областях единого государства – Великого Княжества Литовского, а после 1569 года – Объединенной Литвы-Польши – Rzeczy Pospolitej Obojga Narodów. Впрочем, и в историческом прошлом не было такой ситуации, чтобы они (все вместе) заселяли какую-нибудь определенную область в границах этого государства, но в этом прошлом еще можно проследить цепочку поселений (хоть порою и удаленных друг от друга, но между собой как-то связанных), которые традиционно считались «татарскими» (целиком или в соответствии со значительной

долей татар в их населении). С самого начала (с XIV века) главными опорными пунктами татарских поселенцев в Великом Княжестве Литовском были вильнюсский и тракайский районы. В конце XVII века круг татарских поселений расширяется. С возвращением на службу к польскому королю бывших «липковских мятежников» возникают их новые поселения в Богониках, Крушинянах, Малявичах, Студзянке. С «разделами» Речи Посполитой в конце XVIII века, в новых условиях пребывания населения восточной Польши и Литвы в составе Российской империи, миграция татар усилилась настолько, что карта размещения их поселений изменилась весьма существенно. Новые татарские колонии (уже не только военных поселенцев, но и ремесленников) формируются в городах (Каунас, Новогрудек, Слоним) и небольших местечках (Смиловичи, Осмолово, Лаховичи, Мир, Мяджёл, Ив, Рейжяй и другие). Таким образом, уже в историческом прошлом татарское население в границах Объединенного Польско-Литовского государства формировалось скорее как диаспора, нежели компактная группа на определенной, неизменной территории. XX век внес в эту ситуацию еще более решительные перемены, усилившие раздробленность этнической группы польско-литовско-белорусских татар уже не только между разными районами (повятами), воеводствами, а позднее российскими губерниями, но и между разными государствами, возникшими после Первой мировой войны – независимой Польшей (Второй Речью Посполитой), Литовской Республикой и Белоруссией, включенной в 1922 году в состав СССР. Ставшие автоматически гражданами этих государств, находившихся в межвоенный период в очень сложных, порою конфликтных отношениях друг с другом (между Польшей и Литвой до 1938 года не было даже формального взаимного признания и обмена дипломатическими миссиями; белорусские татары остались за «железным занавесом», отрезавшим сталинский Советский Союз от свободного мира) польско-литовско-белорусские татары теряли связи друг с другом, и необходимость гражданского выбора (в пользу Польши, Литвы или «Страны Советов», готовых не столько «дружить», сколько воевать друг с другом) все более затрудняла их самознание и самоопределение в качестве единой этнической группы. Изменения границ между этими государствами в итоге Второй мировой войны (и сопутствовавшие этим изменениям процессы репатриации, правом на которую воспользовались многие татары, уехавшие в Польшу из так называемой «Западной Белоруссии» и Вильнюсского региона, оказавшимися в составе СССР) так же,

как общественные перевороты и кардинальные реформы, приведшие к падению коммунистических режимов в этих странах на рубеже 1980–90-х годов, никак не затронули той главной ситуации и не решили той главной проблемы, которая заключается ныне в том, что у польско-литовско-белорусских татар нет общей территории их проживания, нет даже государства, гражданами которого ощущали бы себя все они или хотя бы их подавляющее большинство. Демографические показатели их пребывания в старых местах традиционного проживания неуклонно падают.

Перед Первой мировой войной в северо-западных губерниях России (Минской, Могилевской, Виленской, Ковенской и Гродненской) проживало 13.877 татар-мусульман. После 1918 года значительная их часть (около 6 тысяч) оказалась в возрожденном Польском государстве, в состав которого до 1939 года входили Вильнюсский край и земли Западной Белоруссии; около полутора тысяч – в Литве и около 4 тысяч – в Белоруссии.

На территории современной Польши, где за татарами официально закреплён статус этнического меньшинства, зарегистрировано шесть мусульманских общин: в Белостоке, Богониках, Гданьске, Гожове Велькопольском, Крушинянах и Варшаве. Численность татар в этой стране по оценочным данным колеблется от трех до пяти тысяч человек, в то время как официальная статистика, опирающаяся на данные Всеобщей национальной переписи населения 2002 года, исходит из того, что всего лишь 500 человек (граждан Польши) заявили о своей татарской национальности.

Перепись населения 2001 года в Литве зафиксировала здесь 3.225 человек татарской национальности. Многие из них входят в состав городского населения Вильнюса и Каунаса; традиционными местами проживания литовских татар в сельской местности являются поселок Рейжяй в Алитусском районе и деревни Сорок Татар (Keturiasdešimt Tototų) и Нежежис в окрестностях Вильнюса.

В Белорусской Республике зарегистрировано 17 татарских мусульманских общин – в Минске, Гродно, Иве, Новогрудке, Сандыковчизне, Острыно, Лиде, Клецке, Слониме, Смиловичах, Лаховичах, Мире, Витебске, Видзе, Гомеле, Барановичах, Молодечно. Белорусские татары были преимущественно горожанами (в 1920-х годах только 558 человек из общей численности 3.777, то есть около 15 % проживали в сельской местности). В Минске в 1920 году проживало 1.283 татар, в Смиловичах – 386. Если в 1920-х годах советская власть в Белоруссии предпринимала некоторые шаги по «национальному строительству» (просвещению,

организации) татарского населения (в Минске в 1928 году была открыта «светлица» – татарский дом культуры), то с начала 1930-х годов на волне общей идеологической борьбы с «нацдемовскими уклонами» политика советской власти изменилась и татарская этническая группа в Белоруссии оказалась в самом тяжелом положении, потеряв какие бы то ни было права и надежды на сохранение своей автономии в качестве этнического и религиозного меньшинства. Мечети и мусульманские кладбища татар в Белоруссии подвергались систематическим разрушениям как в довоенные, так и в послевоенные годы. Уже к 1950-м годам из 19-ти мечетей, действовавших на территории Белорусской ССР (с учетом присоединенных к ней в 1939 году восточных окраин Польши) осталась только одна единственная мечеть в Иве под Гродно. О демографической ситуации в Белоруссии красноречиво свидетельствуют такие цифры: в Видзе Витебской области, где в 1938 году еще проживало 760 татар, к началу 1990-х годов осталось только 50 татар, в Слониме из 413 – только 96, в Новогрудке из 766 – 316, в Мяджэле из 250 – 90, в Докшицах из 460 – 50, в Довбучишках из 408 – один единственный человек¹⁹.

Таким образом, этническая идентичность польско-литовско-белорусских татар никак не может опираться сегодня на ощущение культурно-географической и политической целостности *общей земли*, им принадлежащей, имеющей какую бы то ни было перспективу стать опорным пунктом их этнической консолидации и демографического прогресса. Это получает свое отражение и в подвижках, касающихся самоназваний (само-этнонимов) представителей данной группы. В прошлом их чаще всего называли «литовскими татарами» (имея в виду их появление на землях Великого Княжества Литовского), позднее – «липками» (от турецкого наименования жителей Литвы, распространявшегося на «литовских татар»). Гражданская принадлежность к трем разным государствам стимулировала дифференциацию самоназваний, своего рода политическая корректность обязывала татар, ставших гражданами Польши, называть себя польскими татарами; татар, ставших гражданами Литвы, – литовскими татарами (уже не в прежнем, историческом, а в новом смысле, соответствующим их лояльности молодой Литовской Республике); татар, оставшихся в Белоруссии, – белорусскими татарами. Это касается не только

¹⁹ I. Konopacki, *Tatarzy na Białorusi*, „Rocznik Tatarów Polskich”, t. 4, 1997, s. 189.

названий организаций, подлежащих официальной регистрации в разных странах («Союз польских татар» в Польше, «Община литовских татар» в Литве и так далее), их печатных органов («Rocznik Tatarów Polskich» / «Ежегодник польских татар», печатавшийся в Гданьске и Белостоке; ежеквартальное издание „Lietuvos totoriaj“ / «Литовские татары» в Каунасе), но все глубже проникает в повседневный язык, в лексикон самих представителей данной группы и их соседей, называющих татар Польши – «польскими», татар Литвы – «литовскими», татар Белоруссии – «белорусскими», несмотря на то, что по сути это один и тот же народ, одна и та же этническая группа, имеющая общее происхождение. Единственным термином, адекватным этой общности, может служить трехчастное определение «польско-литовско-белорусские татары», используемое и в настоящей статье, но при этом совершенно очевидны его стилистическое несовершенство, некоторая неуклюжесть и явно не полное соответствие мышлению самих татар, редко применяющих по отношению к себе столь сложный «трехгосударственный» эпитет²⁰.

Еще в меньшей степени их этническая идентичность может опереться на ощущение общности своего социально-правового статуса, профессионального предназначения, определенной, отведенной им роли в экономике, культуре или административном устройстве страны (всех трех стран, гражданами которых они являются). В историческом прошлом такой статус существовал. Он определялся прежде всего нахождением на воинской службе, в рядах кавалерии (прославленной во многих битвах татарской конницы).

Для этой службы татар приглашали, держали в стране, предоставляли им существенные привилегии, это был основной социально-политический фактор формирования татарской общины в Великом Княжестве Литовском и в объединенном Польско-Литовском государстве, и хотя, естественно, татары на этих землях никогда не представляли собой абсолютно моногенной по социальному составу и профилю профессиональной деятельности группы (были среди них и крестьяне, и помещики, и ремесленники, и купцы, и представители мусульманской духовной, а также

²⁰ Ни один из респондентов проведенного нами в 2016 году социологического опроса не выбрал термин «польско-литовско-белорусский» в ответ на вопрос (пункт 4 анкеты) «Какой этноним, с Вашей точки зрения, точнее всего определяет характер той этнической группы, к которой Вы принадлежите?».

светской интеллигенции и науки), но военная служба оставалась главным призванием и смыслом жизни большинства татарского мужского населения, причем эта традиция сохранялась и после падения Первой Речи Посполитой, так что татарская кавалерия (известный вильнюсский полк уланов) сыграла заметную роль и в возрождении независимой Польши в XX веке, и в обороне ее границ²¹. Разумеется, не каждый татарин, проживавший на землях бывшего Великого Княжества Литовского до Второй мировой войны, был воином-кавалеристом, но это случалось так часто, и это было так важно для понимания собственного предназначения, и память о славных походах татарской конницы, верной Великому Литовскому Князю (Грюнвальдская битва!), а затем и польскому королю (случай «липковского» мятежа 1672 года, измены, перехода на сторону турецкого султана был исключительным, да по сути и единственным эпизодом в долгой истории), была в татарском национальном самосознании так сильна, что принадлежность татарина к воинскому сословию (как в рядовом, так и в офицерском ранге) оказывалась достаточно серьезной, прочной базой для определения собственной идентичности в условной парадигме «Мы, татары, – ловкие наездники, отважные кавалеристы, воины, уланы, присягнувшие на верность Великому Литовскому князю / польскому королю / Польской Республике – Второй Речи Посполитой». Нет больше литовской конницы ни в польской, ни в литовской, ни в белорусской современной армии, и прежняя база идентичности неизбежно оказывается разрушенной и размытой.

Постепенно сужая круг возможных ориентиров определения этнической идентичности, мы неизбежно приходим к тому, что многим авторам, занятым данной проблематикой, кажется решающим, главным, основным фактором формирования идентичности польско-литовско-белорусских татар. Речь идет о их религиозном вероисповедании, верности исламу, принадлежности их культуры к исламской цивилизации, и представление о том, будто «мы (они) сохранились как особая этническая группа в инациональном окружении (причем группа, не имеющая своего языка, своей земли, своего особого социального статуса) только благодаря верности исламу, что отличало нас (их) от всех

²¹ См. об этом: J.V. Bek, *Zarys historii wojennej Tatarskiego Pułku Ułanów imienia pułkownika Mustafy Achmatowicza*, Warszawa 1933¹, Gdańsk 1990²; S. Kryczyński, *Kronika wojenna Tatarów litewskich*, Gdańsk 1997-1998; В. Резмер, *Татарский полк уланов имени полковника Ахматовича*, [w:] А. Конорпакі (red.), *Этнічная історыя...*, op. cit., с. 279-281.

соседей – католиков, православных, иудеев, караимов и представителей иных религий», является чрезвычайно широко распространенным в современной научной литературе и журналистике. Об этом говорят ораторы на всех съездах, форумах, собраниях, конференциях, в которых принимают участие сами татары или речь идет об их культуре и истории²². Сохранившиеся памятники материальной культуры польско-литовско-белорусских татар (деревянные и каменные мечети, мусульманские кладбища-мизары, надгробия со знаками мусульманской символики, молитвенники-хамали с кораническими текстами и текстами обращенных к Аллаху молитв) безусловно имеют тот исламский характер (романтику, очарование мусульманского Востока-Орента), который определяет их яркое и выразительное отличие от комплексов соседних национальных культур и от мира польского, литовского,

²² Характерно, что современное издание даже такого исторического документа (появившегося в 1727 году), как *Katechizis po powodu kрещення татарина Будзяцкого*, написанный католическим ксендзом-миссионером XVIII века Михалом Вечорковским, который по сути своей должен, казалось бы, убедить читателей в том, что ислам отнюдь не безраздельно господствовал в местной татарской среде и татарам случалось отступать от веры своих предков, сопровождается вступительной статьей Мусы Чохоровского, главный пафос которой состоит в утверждении: «Od stuleci żyją na ziemiach Polski i Litwy muzułmanie. [...] Wraz ze swymi skromnymi, drewnianymi meczetami i cichymi wiejskimi mizarami stali się Tatarzy nierozdzieloną częścią swojskiego krajobrazu. Przyjęli za własne lokalne zwyczaje, mowę i ubiór. Wyróżniła ich jedynie, i nadal wyróżnia, odmienna religia – islam / Столетиями живут мусульмане на землях Литвы и Польши [...] Вместе со своими скромными, деревянными мечетями и тихими сельскими мизарами стали они неразрывной частью родного пейзажа. Освоили татары местные обычаи, язык, одежду. Единственно, что их отличало (и до сих пор отличает) – это иная религия, а именно ислам» (M. Wiczorkowski, *Katechizm z okazji ochрzczenia Tatarzyna Budziackiego*, Wrocław 2012, s. 5; перевод с польского и выделение текста принадлежит автору – С.Ч.). При проведении социологического опроса в Подляском воеводстве в 2016 году мы также ожидали, что большинство респондентов назовет «общую религию (ислам)» на первом месте среди всех вариантов ответа о факторах формирования этнической идентичности (пункт 6 анкеты). Как уже отмечалось выше, этого не случилось. В отличие от писателей и журналистов, твердо уверенных, в том, что ислам («своя религия») – это то «единственное», что отличает данную этническую группу, многие представители этой группы, причем и молодого, и среднего, и старшего поколения (пункт 2 анкеты), вовсе так не считают и отмечают общую религию как одну из нескольких причин собственного «выживания», даже не всегда ставя ее на первое место.

белорусского народного творчества, хотя полной изоляции между этими мирами не существуют и точки соприкосновения, взаимовлияния, взаимодействия между мусульманским искусством, зодчеством, графической основой письменности, фольклором, народным бытом, всем образом жизни татар и православной культурой белорусов или развивающейся в лоне католицизма польской и литовской народными культурам несомненно существуют. Согласимся, однако, что различия именно по линии религиозного водораздела наиболее бросаются в глаза, и мусульманская основа татарской культуры и мировоззрения может (могла бы) стать основной базой самоидентичности этой разделенной государственными границами и языковыми барьерами, но единой в своей традиционной вере этнической группы. Однако, и здесь не все столь очевидно и однозначно.

Совпадение этнической и религиозной (конфессиональной) идентичности, которое в данном случае можно было бы выразить формулой «Мы – польско-литовско-белорусские татары = Мы – мусульмане», – в истории человечества случается крайне редко, да и то лишь тогда, когда речь идет о религиях сравнительно узкого диапазона (иногда их называют «локальными», иногда – «этническими религиями», имея в виду обычно комплекс языческих верований и пантеон божеств, разработанный в мифологии одного племени, или этнической группы). Классическим примером такого совпадения может служить караимизм; караимы как этническая группа и люди, исповедующие караимизм как религию, – это, вероятно, действительно одно и то же, хотя в современном обществе уже можно встретить и *не верующих* караимов. Однако, принадлежность к великой, мировой религии, число последователей которой измеряется миллионами или миллиардами человек, в том числе представителей разных рас и народов, может стать основой этнической идентичности лишь в исключительных обстоятельствах, а именно при двух условиях. Во-первых, данная этническая группа должна быть совершенно не затронута процессами секуляризации, что было возможно в Средние Века, но вряд ли реально в современном мире (даже наиболее приверженные *своей* религии – иудаизму – евреи давно уже не представляют единой религиозной общности, имея в своем составе и *не верующих*, и людей, перешедших в иную веру). Во-вторых, эта группа должна выступать в качестве единственного носителя данной религии если не в мировом масштабе (в таком масштабе и евреи окажутся не единственными иудеями, поскольку иудаизм

в прошлом исповедовали хазары, в настоящем его приверженцами являются крымчаки, таты, горские евреи и другие этнические группы), то по крайней мере в широком континентальном или региональном диапазоне, то есть когда рядом с данной группой, хотя бы в одном с ней государственном пространстве, нет никаких других этнических групп, исповедующих ту же религию. В такой исключительной ситуации татары, действительно были в прошлом, когда они могли ощущать себя *единственными мусульманами*, постоянно проживающими на земле Великого Княжества Литовского, не считая заезжих купцов, послов, путешественников и прочих временных гостей. Тогда они на самом деле осваивали каждый кусочек отведенной им земли, на которой возводилась мечеть, как «*Дар аль-Ислам*» (землю Ислама) и, отличаясь от всех своих соседей соблюдением мусульманских обрядов и обязанностей («столпов веры»), правил шариата, даже внешним видом своего жилища, своих костюмов, головных уборов, причесок, predetermined мусульманской традицией, могли опереться на эту религиозную традицию как основу собственной этнической идентичности, собственной *непохожести* на других соотечественников.

Но эти времена давно канули в лету. Современные татары Польши, Литвы, Белоруссии в большинстве своем живут в городских квартирах и домах, на улицах и в жилых кварталах, построенных без всякого учета этой мусульманской традиции. Их городской и сельский быт определяется товарным снабжением, не имеющем никакой конфессиональной дифференциации. На их вкусы и потребности оказывает свое влияние интернациональная мода, господствующая во всем социуме, к которому они принадлежат. Их дети воспитываются и учатся не в мусульманских *мектебе* и *медресе*, а в школах, гимназиях, лицеях, университетах той светской образовательной системы, какая существует в Польше, Литве или Белоруссии. Долгие десятилетия воинствующего атеизма (особенно в Белорусской ССР) и необходимость приспособления к идеологии, господствующей в стране их проживания, отрыв (хотя и не полная изоляция, но все же длительный и весьма ощутимый и в географическом, и в моральном измерении отрыв) от зарубежного мусульманского мира привели к тому, что какая-то часть татар (механизмы ее измерения в процентах или в числах, конечно, не точны и не совершенны) утратила веру или во всяком случае культовую практику, перестала соблюдать мусульманские обряды и традиции. Так называемый «религиозный ренессанс», затронувший все народы Восточной Европы,

освободившиеся от коммунистических режимов на рубеже 1980–90-х годов, в среде польско-литовско-белорусских татар был все же скорее внешним, декларативным, поверхностным и не привел к полной реанимации всех исламских институтов. Частично они безусловно возродились: были проведены мусульманские съезды, зарегистрированы мусульманские общины, сформировались «приходы» («парафии») при сохранившихся и построенных заново мечетях, возобновили свою деятельность муфтияты, разделившие между собой географические зоны своего влияния в соответствии с границами независимых государств²³. Тем не менее во всех этих трех государствах поле реального возрождения ислама крайне ограничено не только малым числом мусульман среди граждан этих государств, но и отсутствием сильных амбиций со стороны их духовных элит и массовых потребностей в кардинальных переменах. Среднестатистический татарин, здесь проживающий, не совершает пятикратной ежедневной молитвы (*намаз*), не каждую пятницу посещает Джами мечеть, не отдает части своего дохода

²³ Институтция Муфтията (Духовного управления по делам мусульман, возглавляемого Муфтием) была сравнительно новой моделью в длительной истории «литовских татар». Она получила здесь развитие лишь после разделов Речи Посполитой, на территории «российского забора» (той части Литвы и Польши, которая была включена в состав Российской империи). К тому времени в Российской империи уже существовало так называемое «Магометанское собрание» (Духовное управление по делам российских мусульман с резиденцией на Урале, сначала в Оренбурге, затем в Уфе). В 1794 году правительственным решением было создано второе Духовное управление – так называемый Муфтият Таврический с резиденцией в Крыму. В его компетенции оказались все мусульмане, проживавшие в западных российских губерниях, включая и крымских, и польско-литовско-белорусских татар. Его деятельность продолжалась формально до 1926, фактически до 1918 года, когда погиб – стал жертвой «красного террора» – последний Муфтий Таврический, славный сын крымскотатарского народа Нуман Челеби Джихан. На новых общественных началах Муфтият был создан в независимой Польше, в составе которой до начала Второй мировой войны находились практически все земли, заселенные польско-литовско-белорусскими татарами, то есть не только районы нынешнего Подляского воеводства, но также весь Вильнюсский край и Западная Белоруссия. После Второй мировой войны Муфтият фактически бездействовал (не только землях, которые Польша потеряла и которые вошли в состав СССР, но и в самой Польской Народной Республике), хотя формально никогда не был ликвидирован. Возрождение этой структуры уже в новом облике трех независимых друг от друга Муфтиятов (Польша – Третьей Речи Посполитой, Литвы, Белоруссии) происходит на рубеже 1980-90-х годов.

на нужды мусульманской общины и бедных единоверцев (*садака*), далеко не последовательно соблюдает пост (*рамадан*), ограничиваясь чаще всего участием в празднике разговения, но не представляя своей жизни в течение целого месяца без единого глотка воды и без единого куска пищи от восхода до заката солнца. Лишь очень немногие из числа польско-литовско-белорусских татар совершили *хадж* – паломничество в Мекку. Если раньше (при жизни за советским «железным занавесом») у них не было для этого возможностей, то сейчас не хватает стремления, осознанной необходимости жить строго по всем правилам и законам шариата. В повседневном быту мусульманское начало вытесняется на маргинес внешней декорации, сводится к ношению тубетеек, купленных где-нибудь в Казани или Стамбуле, к мотивам, воспроизводимым в мелодиях и театральных костюмах коллективов художественной самодеятельности. Такой «театральный ислам» никак не может стать прочной основой национально-этнической идентичности.

Еще более серьезные причины такой невозможности коренятся в демографической ситуации. Татары давно уже не являются единственными мусульманами среди граждан Польши, Литвы, Белоруссии. Бурные процессы миграции, имевшие свою социально-экономическую и политическую специфику в Советском Союзе и получившие новое содержательное наполнение в современных условиях, привели к тому, что сначала в Белоруссии, затем, чуть в меньшей степени, в Литве и, наконец, в Польше появились довольно крупные анклавы постоянно проживающих здесь «других» мусульман²⁴ – азербайджанцев, поволжских и крымских татар, башкир, чеченцев и представителей других народов Северного Кавказа. В Польше, можно сказать, «набрали вес» контингенты арабских и иранских студентов (многие из которых не возвращаются после учебы на родину, а остаются в Польше), потоки политических эмигрантов и беженцев из мусульманского мира (не столь массовые, как ныне в Германии и других странах Западной Европы, но все же весьма заметные отнюдь не только в замкнутых интерьерах специальных „ośrodków dla uchodźców” / центров размещения беженцев, но и в городских пейзажах, на открытых рынках Варшавы и других польских городов), турецкие

²⁴ На процессы активной иммиграции мусульман различного национального происхождения в Польшу обращают внимание многие авторы. См., в частности: Т. Марциняк, *Мусульманские общины в Польше*, «Этнографическое обозрение», № 1, 1995, с. 66-73; К. Kościelniak, *Muzłmanie polscy. Religia i kultura*, Kraków 2016.

предприниматели, снабжающие население продуктами восточной кухни. Рядом с этими группами, уже превосходящими по численности «коренных» польско-литовско-белорусских татар, последние никак не могут опереться на свою исламскую идентичность в качестве главного или единственного маркера их самобытности, «непохожести на других», ибо оказывается, что рядом с ними живут многие другие мусульмане, в том числе представители того же самого суннитского направления в исламе и того же самого *ханафитского мазхаба* (правовой школы), что и они, но они действительно не похожи и не хотят быть похожими на этих мусульман, например, турок или арабов. Надо искать другие, внерелигиозные источники собственной самобытности, чтобы избежать перспективы полного растворения в среде «других», сохраниться как самостоятельная группа. Это тем более необходимо, чем более ясно, что в длительной, стратегической перспективе религия снова окажется вытесненной из широкой общественной сферы в область частной, личной жизни индивидуума или семьи, нынешняя фаза «религиозного Ренессанса» сменится новой волной просветительства, опирающегося на достижения научно-технического прогресса, и десекуляризации всей глобальной человеческой культуры, или тенденциями к ее экуменическому единению на основе сближения разных религий.

В такой ситуации важнейшими источниками формирования этнической идентичности польско-литовско-белорусских татар становятся их историческая память, их современная культура (прежде всего такие ее сферы, как художественная литература, журналистика, целая совокупность гуманитарных наук), в которой существует особый культ бережно лелеемого в мечтах, воспоминаниях, идеальных категориях, в передаваемых из поколения в поколение и заново творимых легендах феномена собственного «мы» как особой исторической и этнокультурной единицы. Почти призрачные, неуловимые контуры этого феномена обретают вполне отчетливую конкретность в опоре как на документальную, так и на мифологическую основу – субъективную версию собственной истории, причем трудно сказать, какая из двух сторон здесь важнее – тщательно собираемые факты, достоверные сведения, целые свитки подробнейших жизнеописаний не только выдающихся личностей, но и скромных представителей большой «татарской семьи»²⁵, скрупулезное исследование предметов материаль-

²⁵ В этой связи надо особо отметить целый ряд биографических и автобио-

ного культурного наследия и формирование соответствующих коллекций в музейных экспозициях и фондах, в общественных интерьерах, в альбомных и монографических научных изданиях или в мире поэтических вымыслов, представляющих тот важнейший «обольстительный обман», который в самосознании людей всегда дороже «тьмы низких истин».

В мифологизации татарской традиции в Польше особое место занимает проект (частично уже реализованный, частично продолжающийся – рассчитанный на осуществление новых строительных планов) создания «агротуристического» комплекса «Татарская юрта» в селе Крушиняны под руководством Дженетты

графических публикаций (книг, брошюр, статей), посвященных представителям данной этнокультурной общности, появившихся в последние десятилетия, в том числе при материальной и моральной поддержке (под «грифом», на полиграфической базе, на страницах периодических изданий) общественных организаций польско-литовско-белорусских татар. Судьбы людей разных профессий, интересов, – людей, казалось бы, совершенно не похожих друг на друга, так или иначе переживших Первую и Вторую мировую войну, послевоенную эмиграцию или эпоху коммунистических режимов и эпоху их свержения, оказываются объединенными одним этнонимом, эпитетом их принадлежности к татарской общине, что подчеркивается и в названиях, и в тексте таких публикаций буквально с первых страниц. Эта цепочка связей, порою чисто эфемерных, – поскольку персонажи не имели контактов друг с другом, действовали в разных обстоятельствах и жили по-своему, независимо друг от друга, отнюдь не формируя на самом деле тесной и единой семьи, – тем не менее оказывается достаточно прочной для определения линии своеобразной национальной консолидации, контуров формирования этнической группы. Статьи, книги, «персоналии», литературно-исторические портреты, собственные мемуары разных авторов складываются в некую общую «повесть временных лет», хронику, историю существования данной этнической группы, и чем больше появляется таких публикаций, тем богаче становится панорама социальной, политической и культурной активности данной группы. В этом ряду хотелось бы отметить (в порядке их появления на современном книжном рынке) такие публикации, как: J. Tyszkiewicz, *Olgierd, Leon i Stanisław Kryczyński, działacze kulturalni i badacze przeszłości Tatarów*, „Rocznik Tatarów Polskich”, t. 1, 1993, s. 5-14; E. Bajraszewski, *Wspomnienia*, там же, s. 103-108; Z. Janowicz-Czaińska, *Przez lasy Syberii do Wielkiej Brytanii*, Gdańsk 2001; W. Jaskulski, *Pułkownik Józef Korycki – tatarski artylerzysta II Rzeczypospolitej (zarys biografii)*, Wrocław 2012; J. Sobolewski, *Żołnierskie wspomnienia*, Białystok 2014; A. Miśkiewicz, *Aleksander Sulkiwicz – uczestnik walk o niepodległość Polski, rówieśnik i przyjaciel Józefa Piłsudskiego*, „Przegląd Tatarski”, nr 4, 2016, s. 18-20; R. Berger, *Pułkownik Jakub Romanowicz w listach*, „Rocznik Tatarów Polskich”, t. 3, 2016, s. 271-279.

и Мирослава Богдановича – представителей известной татарской семьи, можно сказать, продолжателей рода Богдановичей. В 2000-х годах Дженнета Богданович отреставрировала обветшавший, долгое время пустовавший и почти разрушившийся дом своего деда, превратив его в комфортабельный современный отель, ресторан (корчму) с блюдами татарской кухни, маленький музей и центр культурных мероприятий, в частности ежегодных «праздников плуга» – «Сабантуй», в которых принимают участие «гости» из Литвы, Белоруссии, России (Татарстана)²⁶. Исконная аутентичность постройки («дома Богдановичей») имеет значение психологического аргумента, убеждающего и самих татар, и туристов, посещающих Крушиняны, в подлинности сосредоточенной в этом центре культуры. На самом деле все здесь не только кардинально перестроено, но преобразовано в парадигме определенной национальной мифологемы. Всеми визуальными, материальными средствами и красочными перформансами создана своего рода легенда татарской культуры на этой земле. Регламент самого праздника Сабантуй почерпнут из опыта казанских татар, но при этом некая видимость органичности проведения таких праздников в Польше, основанная на представлении о родственности культур казанских и польских татар, оказывается весьма впечатляющей. Экспонаты маленького семейного музея, – главным образом, костюмы, головные уборы и каллиграфические *шамаили* (*мухиры*), – также создают видимость национального колорита и своеобразия искусства и повседневного быта польских татар, хотя на самом деле это вовсе не произведения их народного творчества и не памятники их исторического прошлого, а предметы современного импорта из Татарстана, Крыма и Турции. Деревянная раскрашенная скульптура, украшающая усадьбу и дом, привлекающая очарованием народного примитива и тонким чувством юмора, создает эмоциональную атмосферу, способствующую укреплению симпатии: душа зрителя как бы открывается навстречу милому образу добродушного, чуть лукавого, доверчивого, гостеприимного «татарина», и эту симпатию не могут разрушить никакие рациональные доводы, в частности, понимание того, что это образ условный, «придуманный», что сама традиция антропоморфной пластики не имеет никаких точек опоры в татарской народной мусульманской культуре. В репертуаре ансамбля «Буньчук

²⁶ Десятый раз ежегодный «Сабантуй» в «Татарской юрте» состоялся в августе 2016 года. См. об этом: R. Bogdanowicz, *Sabantuj w Kruszymianach*, „Przegląd Tatarski”, nr 4, 2016, s. 3-4.

(Buńczuk)», выступающего в «Татарской юрте» при проведении различных культурных мероприятий, преобладают песни (*баиты*) и мелодии поволжских, уральских, крымских татар, но они акцептированы как часть единой, собственной культуры местных татар, как общая опора их этнической идентичности. Можно сказать, здесь постоянно разыгрываются спектакли, своего рода художественные маскарады, чрезвычайно важные для укрепления духовного единства татарской общины.

Решающая роль в укреплении этого духовного единства принадлежит современной татарской поэзии, которая функционирует в языковом пространстве тех государств, гражданами которых являются польско-литовско-белорусские татары (главным образом, в публикациях на польском и литовском языках), однако является особенным феноменом татарской культуры, опираясь в своих сюжетах, фабульных мотивах на тематический тезаурус их национальной истории и мифологии, взывая к их памяти, к их ментальности, воскрешая (или создавая заново) некие особые алгоритмы их самосознания.

Мне уже приходилось писать об этом в статье, посвященной творчеству Селима Хазбиевича:

«Селим Хазбиевич сумел найти образы, краски, сюжеты (никакое постмодернистское художественное мышление не помешало ему оперировать богатой фабулой, фольклорными источниками и современными сюжетами) для развития особого татарского направления внутри польской поэзии. [...] переломным моментом в этом процессе эволюции поэтического творчества Хазбиевича было появление [...] сборника стихотворений *Крым и Вильнюс*²⁷. Впервые в этом сборнике Хазбиевич декларирует свою этническую идентичность, определяет в категорических формах личной принадлежности („*Krymie mój...*“, „*Azja jest we mnie...*“, „*Litwo tatarskich moich przodków kraino...*“, „*Ojcie mój duchowy i przodku – Dżyngis Chanie...*“) основные источники, адреса, исходные пункты этногенеза польско-литовских татар, особенные духовные ориентиры собственной национальной гордости [...].

Стихи не были рифмованной лекцией истории. Стихи выражали мечту, тоску, надежду, стремление к идеалу, сожаление о несбыточном, и в ирреалистическом сплетении

²⁷ S. Chazbijewicz, *Krym i Wilno*, Gdańsk 1999.

того, что было и чего не было никогда, выявлялись очертания художественно осмысленного (художественно преувеличенного) национального самосознания польско-литовских татар. В этом самосознании звонкой струной звучала новая политическая составляющая, которая имела особую ценность, как проявление гражданской позиции поэта, в те переломные годы, когда за свободу надо было бороться, когда в потрясениях конца 1980-х годов решались судьбы народов Восточной Европы, которая не потеряла своей актуальности и в наши дни, хотя бы на фоне нынешней российской оккупации Крыма, осуществленной в 2014 году.

Напомню некоторые строки из стихотворений, включенных в сборник *Крым и Вильнюс*. Думаю, что они даже не нуждаются в комментариях.

Посвящение:

Dedykuję tym, którym wolność była
Droższa niż życie
Poległym za Wielką Polskę, Wolny Krym,
Wolny, Muzułmański Afganistan...

Крым (Pamięci Dżafара Сейдамета):

Krymie mój we śnie drżący
Chrzęstem kindżałów i śpiewu
Gwiazdom pieśni nucący
Buńczukiem gniewu
Do Ciebie błękitny Krymie
Wróć w blasku poezji
Kropkę tęsknoty w Ocean
Przeleję w Bakczysaraju
Krymie mój w czasie odległy
Czerwonym terrorem stracony
Uludą wschodniej melodii
Mistyką ostatniej modlitwy [...]
Krymie mój zdruzgotany
Bądź mi wróconą ojczyzną

Tatarski sen:

Mieszka we mnie Polak i Tatar
Jeden nosi maciejówkę, drugi krymkę.
Szablę w snach ostrzą tak samo.

Szalony poezją na stepach Kipczaku
Tatarską szablę walczę o Wielką Polskę...²⁸

«Многие мотивы стихотворений Хазбиевича почерпнуты в сокровищнице исламской и тюрко-татарской мифологии. Романтическую интерпретацию обретают в современной поэзии классические сюжеты действительной и легендарной татарской истории, которых касается Хазбиевич в своих стихах, никогда не описывая подробно, а лишь напоминая о них, слегка прикасаясь к струнам, чье знакомое звучание находит отклик в душе народа»²⁹.

На это прикосновение к струнам татарской души отвечает литовский татарин Адас Якубаускас в стихотворении, посвященном Селиму Хазбиевичу:

To ja – potomek krymskich chanów
I stepowy jeździec srogі.
Głos doniosły tych ułanów,
Co na Litwie bili wrogów.
Jestem synem murzów walecznych
Z wolną duszą polskiej szlachty,
I prawnikiem jeźdźców dawnych,
Co pod Grunwaldem pełnili wartę.
Przez długich sześć wieków żyję
Na ziemi Litwy rodzimej.
Tu mój dom – brzeg mego Idelu³⁰,
Tutaj brzeg mojego Krymu...³¹.

Значение поэтического слова (вымысла, легенды, волнующей воображение ассоциации) в формировании культурной идентичности польско-литовско-белорусских татар прекрасно осознают и сами поэты, и их читатели. Выход в свет в 2016 году поэтического сборника *Только небо*³², составленного из цикла *Шаманских*

²⁸ Там же, страницы этого поэтического сборника не нумерованы.

²⁹ «Идель» – исконное тюркское название реки Волга, колыбель этногенеза поволжских татар. (Примечание автора статьи – С.Ч.)

³⁰ A. Jakubauskas, *Selimowi Chazbijewiczowi*, „Rocznik Tatarów Polskich”, t. 3, 2016, s. 265. Публикация и перевод (с русского подстрочника на польский язык) принадлежит Светлане Павленко, автору статьи: S. Pavlenko, *Adas Jakubauskas – poeta litewsko-tatarski*, там же, s. 257-258.

³¹ S. Chazbijewicz, M. Czachorowski, *Tylko niebo*, Wrocław 2016.

³² P. Nalewajko, *Ponad nimi tylko niebo*, „Przegląd Tatarski”, nr 4, 2016, s. 8.

стихотворений (Wierszy szamańskie) Селима Хазбиевича и *Степных стихотворений (Wierszy stepowy)* Мусы Чахоровского дал основание для выводов, весьма существенных в контексте данной проблемы:

„«Świadomość tworzy moją etniczność», mówi w swoich wierszach Selim Chazbijewicz; przywołuje ją szamańskimi zaklęciami, obcowaniem z tym, co niewidzialne a obecne, oraz z tym, czego nie możemy dotknąć, ale czujemy w sobie, obok siebie. Poeta wzywa niejako do zasłuchania się [...] w pierwotność świadomości, która następnie określa tożsamość własną. Musa Czachorowski, odwołując się do świadomości, przywołuje doznania bardziej namacalne, fizyczne: jurty, konie, przemieszczania się w stepie w zmieniającym się czasie. [...] «Odchodzimy i powracamy [...] zawsze tacy sami, niezmienni w pamięci i trwaniu...». Oznajmia z całą mocą: «Oto my, Tatarzy!». Są to wiersze afirmujące tatarskość w całej jej rozciągłości, wzywające do zaakceptowania oraz rozwijania dziedzictwa, budującego naszą tożsamość tu i teraz. [...] Mamy swoją historię, swoją kulturę, swoją własną przyszłość [...] – czas «[...] abyśmy wzlecieli na orlich skrzydłach [...] pognali w dal. W słońce!»³³.

Идея, как известно, становится материальной силой, когда она овладевает массами. Именно идея собственного этнокультурного единства и непохожести на других (включая и «других мусульман», и «других сограждан» – соседей, и «других татар», проживающих в Крыму или в Поволжье, на Урале или в Сибири, в Финляндии или в Румынии, в Болгарии или в Турции и на любой полосе «другой», «не нашей» земли) воодушевляет польско-литовско-белорусских татар и становится основой их идентичности.

³³ P. Nalewajko, *Ponad nimi tylko niebo*, „Przegląd Tatarski”, nr 4, 2016, s. 8.

Приложение:**АНКЕТА**

социологического исследования, проводимого на Кафедре этнологии и культурной антропологии Университета Николая Коперника в Торуни (2016–2017)
по программе «Этническое самосознание польско-литовских татар»

Анкета является анонимной;

все вопросы личного характера задаются исключительно в целях научного исследования

1 Являетесь ли Вы (считаете ли Вы себя) польским (литовским) татарин(ой) / польской (литовской) татаркой : да, нет, затрудняюсь ответить
(нужное подчеркнуть)

2 Ваш возраст: до 30, между 30 и 50, между 50 и 70, старше 70 лет
(нужное подчеркнуть)

3 Ваше образование: начальное, среднее, высшее (нужное подчеркнуть)

4 Какой этноним, с Вашей точки зрения, точнее всего определяет характер той этнической группы, к которой Вы принадлежите: татары (без дополнительного определения), литовские татары, польские татары, белорусские татары, польско-литовские татары, польско-литовско-белорусские татары
(нужное подчеркнуть)

5 Когда, по Вашему мнению, сформировалась этническая группа польско-литовских татар:

в Средние века в Великом Княжестве Литовском (XIII–XV века)
после заключения Унии между Литвой и Польшей (XVI век)
в Первой Польской Республике (XVII–XVIII века)
позднее
(нужное подчеркнуть или отметить крестиком)

- 6 Что, по Вашему мнению, является залогом обособления, сохранения и жизнедеятельности данной этнической группы:
- общая религия – ислам ()
 - общая историческая память ()
 - легенда собственного происхождения / этногенез (),
 - общий язык ()
 - общая культура ()
 - социальное положение ()
 - правовой статус в государстве ()
 - традиции народного быта (одежда, кухня, праздники, обряды ()
 - профессиональная ориентация (например, военная) ()
 - проживание в компактных группах ()
 - семейные родственные связи ()
 - внутригрупповая солидарность ()
 - другое ()
- (просьба поставить в скобках порядковые номера от 1 до 13 в зависимости от того, какой из выше названных факторов Вы считаете главным, приоритетным (на месте 1) и какие – второстепенными (от 2 до 13), Вы можете также дописать от себя что-либо «другое» и вычеркнуть то, что считаете совсем несущественным)

7 Являетесь ли Вы мусульманином?

Варианты ответов:

- а) Да, являюсь верующим и практикующим мусульманином, соблюдающим все требования шариата и императивы, исходящие из «пяти столпов» исламской веры
- б) Да, чувствую себя мусульманином, но не имею практической возможности регулярно посещать мечеть и последовательно соблюдать такие религиозные обязанности, как произнесение шахады, совершение ежедневных пятикратных молитв, передачи части своего имущества бедным, соблюдение поста, совершение хаджа – паломничества в Мекку (подчеркнуть или отметить крестиком, что именно Вы не имеете возможности осуществить)
- в) Затрудняюсь ответить, ибо помню об исламском прошлом моих предков, через них ощущаю свою причастность к исламской цивилизации, но сам не являюсь верующим мусульманином
- г) Нет, не ощущаю никакой личной причастности к исламу (нужное подчеркнуть или отметить крестиком)

- 8 Какой язык Вы считаете своим родным языком?
_____ (написать)
- 9 Владаете ли Вы основами арабской письменности: да, нет, частично / слабо, знаю лишь несколько букв (нужное подчеркнуть)
- 10 Знаете ли Вы тюркские языки: да (турецкий, язык казанских татар, язык крымских татар, другой – _____ назвать какой / какие именно), нет (нужное подчеркнуть)
- 11 Какой памятник мусульманской культуры, сохранившийся на территории проживания польских, литовских, белорусских татар или имеющий отношение к их культурному наследию, Вы считаете наиболее ценным (написать)
- 12 Кого Вы знаете из современных (ныне живущих) деятелей культуры (писателей, художников, артистов, ученых), происходящих из среды польско-литовско-белорусских татар (можно указать одну или несколько фамилий)

Знаю лично, Знаю по имени и по их делам и произведениям (нужное подчеркнуть или отметить крестиком; возможно, и то, и другое)

~•~

SWIETŁANA CZERWONNAJA

**Problemy tożsamości Tatarów polsko-litewsko-białoruskich:
aspekt historyczny i sytuacja współczesna**

Streszczenie

W badaniach mniejszości tatarskich w Polsce, na Litwie i Białorusi na szczególną uwagę zasługuje kwestia podstaw ich etniczno-kulturowej tożsamości. Konieczne jest tu podejście historyczne, ważne w kontekście wypracowania współczesnej metodologii naukowej. Znaczna część tych czynników, które w przeszłości określały specyficzną sytuację przesiedleńców ze Złotej Ordy w Wielkim Księstwie Litewskim, a także w Rzeczypospolitej Obojga Narodów (język, wspólnota terytorialna, służba w wojsku), nie ma znaczenia we współczesnych

warunkach. Panująca do dziś opinia, że Tatarów odróżnia od ich otoczenia wyłącznie islam – też powoli traci uzasadnienie w kontekście procesów migracyjnych. Najważniejszymi źródłami do formowania się tożsamości etnicznej Tatarów polskich, litewskich i białoruskich są zbiorowa pamięć historyczna oraz współczesna kultura (literatura, poezja, dziennikarstwo, humanistyka), w której rozwija się kult własnego „my” jako odrębnej jednostki etniczno-kulturowej. Prawie niedostrzegalne kontury fenomenu „my” zyskują wyraźną konkretyzację w tatarskiej literaturze i sztuce, opierające się tak na gruncie dokumentalnym, jak i mitologii historycznej.

W niniejszym artykule zbadano literackie i folklorystyczne źródła tej „pamięci legendarnej”. Stwierdzono, że obecna jest tu dialektyka mitu i rzeczywistości w obrazach „sławnej przeszłości”, przedstawieniach o „wzywaniu Wielkiego Stepu”, „wspólnych przodkach”, pokrewieństwie genetycznym z Tatarami regionu wołgo-uralskiego i Krymu.

Słowa kluczowe: samoświadomość etniczna, tatarska wspólnota w Polsce, tożsamość.

SWIETŁANA CZERWONNAJA

Problems with the identity of the Polish-Lithuanian-Belarusian Tatars in the past and today

Abstract

Research on Tatar minorities in Poland, Latvia and Belarus, conducted according to modern scientific methods, should encompass the subjects' ethnic and cultural identity, and pay a close attention to their ethnic and cultural origins. Many determinants, affecting Tatars of the Golden Horde resettled to the Grand Duchy of Lithuania and the Republic of the Two Nations (language, territory, military service) in former times, have lost their relevance. The widespread idea that Tatars differ from others only in their religion (Islam), today is being undermined by the evidence drawn from the process of migration. The most important foundations for the ethnic identity of the Polish, Lithuanian and Belarusian Tatars lie in their collective historical memory and contemporary culture (literature, poetry, journalism, humanities), by means of which they nourish the cult of their “self” as the separate ethnic and cultural unit. Barely discernible outlines of that phenomenon of “ourselves”, take concrete shapes in Tatar literature and art, supported by documents and historical mythology.

This article describes research into written and folk stories concerning that “legendary memory”. The outcome of the research indicates the presence of the dialectics of myth and reality in the images of the “famous past”, plays about “calls from the Grand Steppes”, “common ancestors”, and genetic kinship with the Tatars from the Volga and Ural regions and Crimea.

Keywords: ethnic self-awareness, Tatar community in Poland, identity.